

ПОЛИПАРАДИГМАЛЬНЫЙ СТАТУС ИДИОМАТИЧНОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВИСТИКЕ

А.Т. Грязнова

Аннотация. Целью данной статьи является осмысление статуса понятия «идиоматичность» в свете произошедшей в конце XX — первой четверти XXI в. смены лингвистических парадигм. В рамках структурно-системной парадигмы идиоматичность квалифицировалась неоднозначно: ученые характеризовали ее как свойство языковых единиц и как лингвистическую категорию, играющую далеко не первостепенную роль в языковой системе. Рассмотрение этого явления с позиций антропоцентрической парадигмы убедительно доказывает, что идиоматичность — это языковая категория, которая тесно связана с представлениями о языковой личности, проявляющаяся на всех уровнях языка. Новизна исследования состоит в систематизации современного языкового материала в полипарадигмальном аспекте. Исследование идиоматичности с этой точки зрения позволяет решить ряд актуальных переводоведческих, лингвострановедческих, лингвокультурологических, лингвопоэтических и лингвокогнитивных проблем, а также дает возможность определить механизмы идиоматизации, препятствующие успешной межкультурной коммуникации. В статье использованы описательный и сравнительный методы, а также алгоритмы семного, лексического, стилистического, лингвокультурологического, лингвопоэтического анализа.

Ключевые слова: идиоматичность, идиоматизация, структурно-системная парадигма, антропоцентрическая парадигма, лексика, фразеология, потенциальная (фоновая) семантика, переводоведческий, лингвокультурологический, лингвокогнитивный, лингвопоэтический анализ

Для цитирования: Грязнова А.Т. Полипарадигмальный статус идиоматичности в современной лингвистике // Преподаватель XXI век. 2025. № 4. Часть 2. С. 374–387. DOI: 10.31862/2073-9613-2025-4-374-387

© Грязнова А.Т., 2025

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

THE POLYPARADIGMATIC STATUS OF IDIOMATICITY IN MODERN LINGUISTICS

A.T. Gryaznova

Abstract. *The purpose of this article is to understand the status of the concept of «idiomaticity» in the light of the change in linguistic paradigms that occurred in the late 20th — first quarter of the 21st century. Within the framework of the structural-systemic paradigm, idiomaticity was qualified ambiguously: scholars characterized it as a property of linguistic units and as a linguistic category that does not play a primary role in the language system. Consideration of this phenomenon from the standpoint of the anthropocentric paradigm convincingly proves that idiomaticity is a linguistic category that is closely related to the concept of linguistic personality, manifested at all levels of language. The novelty of the study lies in the systematization of modern linguistic material in the polyparadigmatic aspect. The study of idiomaticity from this point of view allows us to solve a number of current translation, linguacultural, linguapoetic and linguacognitive problems, and also allows us to identify the mechanisms of idiomatization that hinder successful intercultural communication. To achieve the goal, the article uses descriptive and comparative methods, as well as algorithms of component, lexical, stylistic, linguacultural, and linguapoetic analysis.*

Keywords: *idiomaticity, idiomatization, structural-systemic paradigm, anthropocentric paradigm, vocabulary, phraseology, potential (background) semantics, translation studies, linguacultural, linguacognitive, linguapoetic analysis*

Cite as: Gryaznova A.T. The Polyparadigmatic Status of Idiomaticity in Modern Linguistics. *Prepodavatel XXI vek. Russian Journal of Education.* 2025, No. 4, part 2, pp. 374–387. DOI: 10.31862/2073-9613-2025-4-374-387

Период конца XX — первой четверти XXI в. ознаменовался сменой лингвистических парадигм: на место структурно-системного подхода пришел антропоцентрический, актуализировавший не систематизацию языковых единиц, а изучение языковой личности, особенности которой определяют их использование в процессе коммуникации.

Современной лингвистике присуще сосуществование и взаимодействие различных научных парадигм, т.е. подходов к изучению языка: она «с конца XX в. стала заметно пополняться новыми направлениями»: на смену парадигмам, господствовавшим в XVIII–XX столетиях (сравнительно-исторической и структурно-семантической, для которой характерно изучение лингвистических единиц и их отношений внутри языкового уровня), «пришла антропоцентрическая парадигма, в центре внимания которой оказался уже не только язык, но и его носитель — человек как представитель определенной национальности, исторического периода, социальной группы, собственной картины мира» [1, с. 19].

Структурно-системная (системно-структурная, структурно-семантическая) парадигма создала научную базу, которая позволила с антропоцентрических позиций взглянуть на давно изученные, казалось бы, явления и дала возможность уточнить их роль в коммуникативных процессах, а следовательно, четче определить терминологический аппарат.

К числу явлений, рассматриваемых под новым углом зрения, относится **идиоматичность**, которую вслед за У. Вейнрихом лексикологи долгое время трактовали как «свойство составных выражений, значение которых не выводится из синтаксической структуры и значений входящих в них компонентов» [2, с. 139]. Идиоматичность изучалась исследователями в двух основных направлениях: анализировались пути ее развития и разновидности, что дало возможность уточнить сущность этого лингвистического феномена и определить его научный статус. Материалом для наблюдений служили преимущественно фразеологизмы в широком понимании этого термина (не только идиомы, но и паремии с «крылатикой»). Б.А. Ларин заметил, что «неразложимые словосочетания» (идиомы, фразеологические сращения) явились в результате ряда деформаций словесного выражения мысли, когда-то вполне ясного, недвусмысленного и конкретного, отвечавшего нормам живого языка и по грамматическому строению, и по лексическому составу, и по семантическому содержанию» [3, с. 137]. По мнению ученого, идиоматизация происходит в результате «все более вольного, переносного употребления: от конкретного значения к абстрактному, от частного случая к обобщению. Новое метафорическое значение имеет тенденцию к слитности, к некоторому упрощению» [там же, с. 143].

На основе взглядов Б.А. Ларина формируется типология устойчивых выражений по степени их идиоматичности: от наименьшего ее проявления к наибольшей. На одном конце шкалы находятся обычные («переменные») словосочетания, которые характеризуются разной степенью устойчивости; центральное положение занимают «устойчивые метафорические словосочетания (“фразеологические единства”, “стереотипные речи”)»; на другом полюсе располагаются фразеологические сращения, характеризующиеся неразложимостью [там же, с. 148]. В своих наблюдениях исследователь пользуется терминологией, основоположником которой стал В.В. Виноградов. В данной статье эта традиция будет продолжена, несмотря на существование опыта применения философских терминов *экстенционал*, *интенционал*, *импликационал*, который для описания идиоматичности используют А.Н. Баранов и Д.О. Добровольский (эти термины с иным семантическим наполнением были применены В.В. Воробьевым в учебнике «Лингвокультурология» [4] для характеристики одной из лингвокультурологических единиц). Классификацию видов идиоматичности А.Н. Баранова и Д.О. Добровольского мы адаптируем к принятой в МПГУ системе обозначений и используем актуальные примеры фразеологических единиц (далее — ФЕ) и производных лексем.

Рассуждая о типах идиоматичности, исследователи называют следующие ее разновидности [5, с. 51–64]:

- **переинтерпретация**, характерная для фразеологических единств с целостным метафорическим (метонимическим) переосмыслением словесного комплекса-прототипа, например *дорожная карта* («план действий, мероприятий» обычно в политической или бизнес-сфере); *жить в моменте* («активное и осознанное проживание сегодняшнего дня без рассуждений о прошлом и будущем»);

- **интенциональная переинтерпретация**, характерная для фразеологических сращений и единств, прототипический образ которых неясен без этимологического комментария. При попытке его выявления среднестатистическим носителем современного языка возникает ложный результат: *втирать очки* в значении ‘обманывать’ (ложная этимология — «манипуляции с офтальмологическим прибором»; истинная — «действия

шулера, направленные на изменение достоинства карты»). Часто такой образ носит фантастический характер: *была у собаки хата, дождь пошел — она сгорела* (указание на преувеличение или обман в словах собеседника) — или является интертекстуальной отсылкой: *лисичка со скалочкой* (одноименная русская народная сказка, где лиса, прикинувшись бесприютной страдальцей, оказывается обманщицей);

- **перейнтерпретация части фразеологизма**, проявляющаяся в составе фразеологических сочетаний, связанный компонент которых подвергается метафорическому переосмыслению, что не исключает переносного использования второго компонента, применяемого в номинативном значении, например: *закрыть гештальт* — «завершить в реальности или в воображении беспокоящую ситуацию» (компонент *гештальт* используется в переносном значении, выполняющем номинативную функцию (от нем. *Geschalt* — «образ, форма», в психологии — «незакрытая ситуация, вызывающая внутренний конфликт»; *закрыть* метафорически обозначает завершение (ср.: *вопрос закрыт*);

- **референциальная перейнтерпретация**, обнаруживающаяся в перифрастических устойчивых выражениях, которые характеризуют единственный референт, их появление требует также этимологического, в том числе интертекстуального, комментария, например: *самый человечный человек* — о В.И. Ленине [из поэмы В.В. Маяковского «Владимир Ильич Ленин», (1924)]; *солнце русской поэзии* — об А.С. Пушкине (предположительно, высказывание принадлежит В.Ф. Одоевскому);

- **перейнтерпретация условий употребления** — изменение морфологических характеристик одного из компонентов устойчивого выражения, что может быть связано со словообразовательной трансформацией: *авоська, небоська, да третий как-нибудь* — «о свойстве русского характера полагаться на случай» (в результате словообразовательных процессов междометия *авось* и *небось* становятся существительными, субстантивируется и наречие *как-нибудь*, о чем свидетельствует синтагматика). Следует отметить, что наряду с этими изменениями коннотация фразеологизма обнаруживает механизм персонификации (олицетворения), который часто рассматривается как разновидность метафоризации;

- **вторичная перейнтерпретация**, заключающаяся в эвфемизации обценной идиомы (или лексемы): *египетская сила* (телесериал «Вороны», цикл книг А. Белянина о Лисе Ренаре); *твою матерью* (сериал «Кибердеревня»); *блин*;

- **псевдоисчерпание**, характерное для устойчивых выражений, словесный комплекс-прототип которых в грамматическом отношении оформлен с опорой на сочинительную или бессоюзную связь: *ни богу свечка, ни черту кочерга; добрым словом и пистолетом*. Такие выражения обычно включают крайние элементы градационного ряда.

Хотя авторы статьи отмечают, что идиоматичность присуща не только фразеологизмам, но и словам, особенно если это касается перейнтерпретации, подробно данный вопрос они не рассматривают.

Решению проблемы посвящена статья А.А. Пановой «Типы идиоматичности лексических единиц», автор которой выделяет четыре вида идиоматичности, ставя их в зависимость от исконного или заимствованного происхождения лексем и их формантов [6, с. 48–53].

Г.М. Шипицына в работе «О причинах идиоматичности семантики производного слова» [7, с. 19–20] также проводит систематизацию природы идиоматичности

производных слов. Опираясь на исследования таких лингвистов, как Г.О. Винокур, Е.А. Земская, Е.С. Кубрякова, В.В. Лопатин, И.Г. Милославский, А.Н. Тихонов, И.С. Улуханов, автор определяет факторы, влияющие на развитие идиоматичности у производной лексики. К их числу исследователь относит:

- **инвариантное значение форманта**, что при отсутствии контекста вызывает проблемы с интерпретацией значения (так, суффикс существительного *-ник* может вносить в семантику слова значения предметности и лица);

- **лексико-семантические особенности мотивирующего слова**. Например, тип лексического значения — первичное или вторичное, номинативное или экспрессивно-синонимическое, стилистически нейтральное или окрашенное. Так, разговорная лексема *накосячить* — «допустить оплошность, совершить промашку, ошибку» — образована от глагола *косячить* (ср.: *косяк* — «сленг. ошибка, неверный поступок, проступок») [8] и обладает неочевидной фоновой семантикой «неприятные **далеко идущие** последствия», которая не выявляется путем анализа мотивирующей основы;

- **морфемная производность или непроизводность производящей основы**. К примеру, разговорная лексема *наплакать* — «добиться желаемого путем жалоб и настойчивых просьб» (определение автора статьи. — А.Г.) произошла от прямого значения постфиксально производной лексики *плакаться*: «кому-чему на кого-что и без доп. (разг.). Высказывать жалобы, сетования, сожаления по поводу чего-н. *Плакалась отцу, плакалась соседям*. Некрасов» [9, стб. 278]: Сема ‘просьба’ у нее является потенциальной, у производного же значения она выходит на первый план, а понятийный компонент смысла ‘жалоба’, напротив, становится фоновым.

Спектр языковых единиц, обнаруживающих идиоматичность, не исчерпывается вышеперечисленными. А.Н. Баранов и Д.О. Добровольский обращают внимание на коммуникативный потенциал синтаксических единиц: «...косвенный речевой акт более идиоматичен, чем прямой» [5, с. 51] (ср.: *Ты не боишься опоздать на работу?* — *Пора выходить на работу, чтобы не опоздать*). В число подобных единиц исследователи включают самую крупную лингвистическую единицу — текст, объясняя его идиоматичность наличием пресуппозиций, связанных, в частности, со случаями языковой игры, которая добавляет высказыванию дополнительное количество смысловых слоев.

Ученые убедительно доказали, что идиоматичность — это языковая **категория**, актуальная для разноуровневых языковых единиц, и уточнили ее определение, в соответствии с которым она «в общем случае означает осложненность способа выражения содержания — осложненность не в смысле максимального усложнения языковых форм как таковых, а “концентрированности” выражения и сложности понимания» [там же].

Эти выводы принципиально важны для рассмотрения идиоматичности с позиций различных лингвистических направлений антропоцентрической парадигмы: теории и практики перевода, лингвострановедения, лингвокультурологии, межкультурной коммуникации, лингвопоэтики, когнитивной лингвистики. Их объединяет внимание к языковой личности представителя определенной культуры как носителя того или иного языка и определенной картины мира, которой он руководствуется в своем поведении и в процессе порождения речи. Если представители структурно-системной парадигмы рассматривают явление идиоматичности с позиции одного

языка (например, устойчивое сравнение *белый как снег* А.Н. Баранов и Д.О. Добровольский не считают идиоматичным в силу экспликации основания сравнения), то в рамках антропоцентрической парадигмы границы анализируемой языковой системы расширяются: ученые исследуют языковые единицы, вербализующие различные языковые картины мира в их взаимодействии.

Одними из первых на роль идиоматичности в процессе межкультурной коммуникации обратили внимание переводоведы и лингвокогнитивисты, которых заинтересовала не только категория идиоматичности, но и процесс идиоматизации, которая характеризуется как «диахронический процесс возникновения идиоматичности и создания идиоматических фраз и идиоматических слов» [10]. Так, термин *терренкур* имеет двоякую мотивацию: от французского *terrain* — местность и *courir* — бежать или от немецкого *kur* (лечение), букв. «лечение местностью» [11]. Идиоматизация приводит к тому, что возникшая в результате сложения лексема начинает восприниматься как термин, означающий дозированную ходьбу «по размеченным маршрутам на пересеченной местности; метод лечебной физкультуры» [12, с. 88].

Идиоматизация словосочетаний и высказываний, по мнению Л.В. Молчковой, — механизм, приводящий к компрессии знака и значения, т.е. к созданию формально-семантического единства «и к регрессии языковых единиц по структурным и функциональным параметрам, когда единицы более высоких уровней трансформируются в единицы более низких уровней» [13, с. 127]. Например, **значение** охарактеризованной ранее лексемы *терренкур* при переводе на русский язык передается фразеологическим сочетанием *тропа здоровья* — «дорожка с указателями дистанции, предназначенная для ходьбы или бега в оздоровительных целях».

Анализ процесса идиоматизации с позиций межъязыковой и межкультурной коммуникации посредством семного анализа позволяет выделить те компоненты смысла и коннотативные семы, которые создают переводческие проблемы. Объектом наблюдения переводоведы чаще всего выбирают устойчивые выражения, обращая особое внимание на их эквивалентную передачу. Л.Б. Бойко в статье «Идиоматичность перевода как оценочная категория» пишет о том, что сознание носителя языка наполнено «скорее не отдельными словами, а некими типовыми фразами, цельными единицами речи, **отражающими картину мира...** более того, считается, что количество выражений, хранящихся в человеческой памяти, превышает количество слов... и мы умеем правильно распорядиться ими в конкретных обстоятельствах» [14, с. 127].

Изучению степени межъязыкового и межкультурного соответствия посвящено множество работ. Одной из наиболее значимых среди них является книга Ю.П. Солодуба «Теория и практика художественного перевода» [15], в которой ученый обращает внимание на поликомпонентную структуру фразеологизма, включающую не только форму и значение, но и лексический состав, образную и грамматическую составляющие, стилистическую окраску, которые при эквивалентном переводе должны совпадать, что бывает крайне редко и, как правило, только при сравнении единиц близкородственных языков. В неродственных языках ситуация может складываться по-разному даже при внешнем сходстве формы переводимых единиц.

Например, знаковая составляющая русского поэтического фразеологизма *золотая осень* легко воспроизводится средствами китайского языка. Сохранение положительной

оценочности устойчивого выражения приводит китайцев к мысли, что и содержание русской и китайской единиц эквивалентно. Однако анализ идиоматизации показывает, что русский оборот возник в результате метафоризации (желтый цвет листьев — золото) и в нем актуализируется сема ‘красота’, тогда как китайское выражение опирается на метонимию (деньги, т.е. золото, как результат продажи богатого урожая).

В зависимости от степени эквивалентной передачи компонентов фразеологизма Ю.П. Солодуб выделяет межъязыковые фразеологические соответствия (МФЭ) первого, второго и третьего типов, а также межъязыковые фразеосемантические соответствия (МФС) первого и второго типов, которые более эквивалентно, по сравнению с другими вариантами, передают сходство сравниваемых единиц.

Таким образом, исследование идиоматизации переводоведы связывают с поиском путей ее преодоления, для чего обращаются к анализу глубинных слоев информации языковых единиц, к числу которых относятся коннотация и национально-культурная специфика, тесно связанные между собой и важные для передачи когнитивных процессов, реализующихся в разных видах национального дискурса. Решению этой проблематики посвящено учебное пособие И.А. Везнер «Перевод образной лексики: когнитивно-дискурсивный подход» [16].

Материалом для наблюдений в ней становятся фразеологические сочетания, метафорическая основа которых обнаруживает различия в национальных языках. Так, устойчивое сравнение *как лед*, в русском языке сочетающееся с прилагательным *холодный*, использованным как в прямом, так и в переносном значениях (*руки, холодные как лед; взгляд, холодный как лед*) обладают отрицательной оценочностью, в то время как в английском языке формально эквивалентное выражение *like ice* сочетается с существительным *eyes* и имеет значение ‘голубые’. Преодоление идиоматичности в современных переводах связано с тем, что далеко не всегда идиома переводится идиомой, а метафора — метафорой. В ряде случаев используется трансформация, которая называется деидиоматизацией. «Суть приема, примененного переводчиком, заключается в том, что нечто сказанное “не напрямую” (с помощью иносказания, идиомы и т.п.) в переводе выражено напрямую — с помощью прямых (непереносных) значений слов и словосочетаний» [17, с. 46].

Необходимость учета подобных когнитивно-дискурсивных особенностей объясняется в исследовании Л.И. Швыдкой «Когниция и идиоматизация» тем, что «в процессе межкультурной коммуникации дистанция между коммуникантами увеличивается **из-за доминирования монокультурных факторов**, что в равной степени справедливо как для вербальных, так и невербальных элементов... Буквальная интерпретация **невербальной ситуации** неизбежно сопряжена с появлением значения, не выводимого из семантической структуры соответствующих слов» [18, с. 36]. Автор исследования связывает культурно значимую ситуацию с ее вербализацией посредством фрейма, элементы которого участвуют в создании концептуальной метафоры. Однако можно предположить, что в создании концептуальных метафор способны участвовать и репрезентанты других разновидностей концепта. Так, в книге Л. Кроля со ссылкой на исследование Дж. Лакоффа и М. Джонсона «Метафоры, которыми мы живем» приводится пример концептуальной метафоры, построенной по модели «жизнь — путешествие»: **путешествие – жизнь; начало пути – рождение; конец пути – смерть; перекресток – необходимость выбора; препятствие — проблемы, кризисы; попутчики –**

друзья и близкие [19, с. 9]. И если концепт «Путешествие» в составе модели имеет структуру сценария, то «Жизнь» относится к разряду гештальтов. Отметим, что сказанное проявляется не только в вербализации фразеологизмов, но и в развитии полисемии лексем, о чем свидетельствует приведенный выше пример. Заметим, что для русской картины мира элемент метафорической модели «Путешествие» заменяется вербализатором «Путь», поскольку в национальном сознании путешествие ассоциируется с отпуском, отдыхом, хорошим настроением, интересом и т.д., в то время как путь — с познанием и опытом.

Список языковых единиц, участвующих в вербализации концептов различной типологии, значительно шире перечисленных ранее: его репрезентантами могут выступать пословицы и поговорки: *Гены пальцем не раздавишь*; *Все грибы съедобны, но некоторые только один раз*; прецедентные единицы, в том числе трансформированные: *Какое небо голубое...*; *кот-зумер — горе в семье / Лиса-самокатчик — горе в семье*; фразеологизированные обороты: *Вот когда молодцы, тогда молодцы* и др.

Помимо перечисленных условий в рассмотренных научных сферах, факторами, влияющими на развитие идиоматичности и оказывающимися объектами наблюдения в разных направлениях антропоцентрической парадигмы, являются:

- **учет хронологического среза рассматриваемой языковой картины мира.** С течением времени часть языковых единиц может деактуализироваться и, как следствие, меняться структура концептов, в состав которых они входят. Так, в повести М.В. Щербакова «Кадет Сева» [20] встречается лексема *апашка* — «рубашка со стояче-отложным воротником в изделиях с открытой застежкой» (от фр. *apash* — «хулиган»). Считается, что рубашки с таким открытым широким воротником носили парижские хулиганы — апаши, отсюда и пошло название одежды, а затем и воротника. Современным концептом «Мода» этот элемент изделия утрачен. При появлении названия в тексте возникают затруднения в его понимании. Параллельный процесс — обновление состава концептуальных полей как реакция на возникающие реалии и связанные с ними традиции. Микроконцепт «Кофе» в настоящее время включает наименования разновидностей напитка, которые отсутствовали в предшествующие периоды (*раф*, *латтэ*, *эспрессо*, *американо*, *айриш*, *блэк ай* и др.), что вызывает сложности толкования у носителей иных хронологических срезов национальной картины мира (ср. *раф* — от имени Рафаэль, автора рецепта кофейного напитка).

Архаизироваться могут не только значения лексем, но и грамматические формы, что заметно при лингвопоэтическом сравнении старых и новых версий текстов, существующих в устной форме. Так, строки романа «Поручик Голицын» *мелькают Арбатом знакомые лица*, где топоним используется в творительном падеже с пространственным значением, в современном исполнении имеет вид *Арбата знакомые лица* с использованием родительного «географического», у которого выделяется неявная семантика родительного «отношения», что обычно наблюдается у существительных со значением лица;

- **признание участия в процессе идиоматизации «факультативных» (неявных) компонентов смысла языковой единицы:** эмосем, экспресsem, стилем, прагмасем, потенциальных (фоновых) сем, что важно для лингвокультурологических исследований, особенно при изучении **регионального дискурса и соответствующей ему** (в данном случае локальной) **картины мира**. Е.А. Коган, рассуждая

об особенностях илиоматизации в региональной картине мира, отмечает следующие случаи: 1) устойчивое выражение приобрело переносное значение, внутренняя форма которого очевидна для жителей данной местности, но непонятна для тех, кто не является членом микросоциума (*нарядиться как Анисья Климовская* ‘о безвкусно, неряшливо одетом человеке’); 2) устойчивое выражение общенационального языка, один из компонентов которого заменен регионализмом (*желнинский теленок* ‘о кричащем человеке’); 3) устойчивые выражения с обобщенным значением (*Маша с Яшей* ‘о неразлучно ходящих людях’); 4) региональные аналоги сращений (*тутурский поп* — «самец кукушки») [21].

В.К. Приходько в диссертационном исследовании «Эмотивный фонд русских говоров Приамурья» [22] приводит ряд лексем с метафорической (метонимической) внутренней формой: *язычица* — «сплетница»; *лихота* — «гнев», — которая неочевидна для носителей литературного языка и обуславливает идиоматизацию оценочных лексем в сознании носителя нормированного языка.

В лингвопоэтических работах в зависимости от литературного направления, в рамках которого создан текст произведения, внимание уделяется как общезыковым единицам, так и индивидуально-авторским новообразованиям.

Так, использованное А.С. Пушкиным устойчивое сравнение, с помощью которого создается портрет Ольги в романе «Евгений Онегин», содержит дополнительную информацию, которая может не считываться современным читателем:

*Глаза как небо голубые;
Улыбка, локоны льняные...*

Фоновые семы выражения *голубое небо* — ‘весна’ — ‘детство/юность’. Ассоциативный ряд дает информацию о возрасте Ольги, которой по литературоведческим наблюдениям около 16 лет. Идиоматизация в этом примере тесно связана с процессами кодирования и декодирования информации, которые находились за пределами внимания представителей структурно-системной парадигмы.

В лингвопоэтических исследованиях актуализируется внимание к авторским неологизмам, особенно если речь идет о нереалистических текстах, где новообразования участвуют не только в создании концептов, но и в процессе миромоделирования, неразрывно связанном с ценностной системой изображаемой реальности. Важную роль здесь играют тропеические средства. Создаваемая модель мира, в свою очередь, формирует художественный дискурс, способствующий идиоматизации.

Так, читательница романа «Проклятие дома Грезецких» Т.Е. Суворкина [23] в шутку задает в Телеграм-канале вопрос автору: «Извините, пожалуйста, **срамолет** — это опечатка, принципиальная позиция или новое слово в авиатехнологиях?» [24]. Языковая игра, предполагающая множественную интерпретацию, использована автором с целью идиоматизации, что дает простор для интерпретаций неологизма. Похожие примеры широко используются в романе: *освЯтительные ракеты*, *вычислительные мощи*, — они служат маркерами **ирреальности** изображаемого **параллельного** мира, в котором паровые технологии существуют в тесной взаимосвязи с религиозными реалиями.

Эту же закономерность в цикле «Хроники Петрополиса», куда входит указанный роман, отражают имена собственные (антропонимы, топонимы, теонимы и др.), обла-

дающие статусом поэтонимов: Парослав Симеонович Котельников, глава Инженерной коллегии Серафим Мороков; следователь Бронефаций Бедов; писатель Тигран Грузнов (ср.: Лев Толстой), художник Шишигин (Шишкин); икона Парамона Угледержца; Пароград, Темнигов, Гарьков, Разинск, Соболевск, Верхний Новгород, Небесный град Архангельск.

Перечень лингвопоэтических средств, которым присуща идиоматизация, не ограничивается авторскими неологизмами и языковой игрой, он существенно расширяется за счет использования языковых приемов, содержащих «все цельные отдельные значимые единицы номинативного и коммуникативного уровней» (ср.: в стандартизованном языке «“Я тебе почитаю!” является примером полной синтаксической фраземы», «“запретительная” семантика конструкции не извлекается ни из одного ее элемента» [25].

В цикле Т.Е. Суворкина «Хроники Петрополиса» идиоматизация возникает, в частности, при создании образов персонажей. Например, полицейский робот Ариадна Стим, не воспринимает (или делает вид, что не воспринимает) подтекст высказываний своего напарника сыщика Виктора Остроумова, что подчеркивает различие мыслительных процессов человека и носителя искусственного интеллекта, ср.: *... я еще долго смотрел за парпет, то на окутанный светом **Верхний город**, то на раскинувшуюся под ним **Фабричную строну**, тонущую в дымной тьме.*

— Как ты думаешь, ведь это все можно **изменить**? — спросил я у Ариадны, не особо, впрочем, рассчитывая на ответ.

Напарница помолчала, обдумывая мои слова.

— Виктор, **я не уловила, что вы имеете в виду: изменить в худшую или в лучшую сторону?** Если в худшую, то это, право, очень легко, я могу прямо сейчас перечислить двести одиннадцать вариантов дальнейших действий [23].

Лексема *изменить* в стандартизованном языке содержит неявную сему ‘к лучшему’, что неочевидно для искусственного интеллекта, но абсолютно понятно человеку, сознание которого формируется концептами «Верх» и «Низ», «Свет» и «Тьма», соотносимыми с понятиями «добро» и «зло». В художественном тексте идиоматизация названной лексемы в сознании персонажа — программируемый автором языковой механизм, деавтоматизирующий процесс восприятия высказывания и отдельных его элементов. Как следствие, идиоматизация служит проявлению индивидуальной картины мира автора и персонажей.

Связь языковой картины мира и процессов идиоматизации прослеживается в психолингвистических и социолингвистических исследованиях, где учитывается **степень лингвистической компетентности языковой личности**, как правило, недостаточная для понимания неявных сем, содержащихся в значении языковой единицы, которые необходимы для успешной коммуникации: например, когда мальчика-аутиста попросили вытереть ноги после прогулки под дождем, он снял ботинки, носки и вытер ноги о коврик.

Из личной преподавательской практики

А.Т.Г.: — Елена Хаецкая публиковала свои первые романы под именем Мэделайн Симонс.

Студентка: — Ужас, как так можно!?! (понято буквально: писательница присвоила себе чужое имя, а вместе с ним и писательскую репутацию).

Таким образом, идиоматизация не всегда программируется говорящим и часто возникает при общении в результате действия экстралингвистических факторов (времени, пространства, культуры, типа коммуникации, стиля текста, разновидности дискурса) как коммуникативная помеха.

Все вышесказанное свидетельствует о том, что идиоматичность в русской речи вовсе не периферийное явление, а **универсальная полипарадигмальная лингвистическая категория**, участвующая в процессах речепроизводства и носящая **интегративный характер в рамках антропоцентрической научной парадигмы**. Идиоматичность влияет на интерпретацию смысла высказывания в различных дискурсах, поэтому количество ее разновидностей, классификация которых была начата представителями структурно-системной парадигмы, при изучении с антропоцентрических позиций увеличится, а сам феномен, актуальный для развития теории и практики межкультурной коммуникации, переводоведения, лингвокультурологии, лингвострановедения, лингвокогнитологии, лингвопоэтики, с одной стороны, требует рассмотрения во взаимосвязи с другими антропоцентрическими категориями, такими как миромоделирование, концептуализация, кодирование, а с другой — исследования полного объема языковых средств и механизмов, участвующих в вербализации.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Актуальные проблемы современной русистики: учебник и практикум / отв. ред. С.М. Колесникова. М.: Юрайт, 2024. 635 с.
2. Вейнрейх У. Опыт семантической теории // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 10: Лингвистическая семантика. М.: Прогресс, 1981. С. 50–176.
3. Ларин Б.А. История русского языка и общее языкознание: избранные работы. М.: Просвещение, 1977. С. 125–149.
4. Воробьев В.В. Лингвокультурология. М.: Изд-во Рос. ун-та дружбы народов, 1997. 331 с.
5. Баранов А.Н., Добровольский Д.О. Идиоматичность и идиомы. Категория идиоматичности и ее составляющие // Вопросы языкознания. 1996. № 5. С. 51–64.
6. Панова А.А. Типы идиоматичности лексических единиц // Вестник Челябинского гос. ун-та. 1993. № 1. С. 48–53.
7. Шипицына Г.М. О причинах идиоматичности семантики производного слова // Научные ведомости. 2009. № 6 (61). С. 18–22.
8. Словарь современной лексики, жаргона и сленга. URL: <https://argo.academic.ru/> (дата обращения: 02.08.2025).
9. Толковый словарь русского языка: в 4 т. Т. 3: П–Ряшка. М.: Гос. изд-во иностранных и национальных словарей, 1939. Стб. 278.
10. Кусова Н.Н., Мосина Н.М. Репрезентация физических характеристик человека на материале фразеологизмов английского языка // Электронный научный журнал «Дневник науки». 2023. № 12. URL: https://dnevniknauki.ru/images/publications/2023/12/philology/Kusova_Mosina.pdf (дата обращения: 10.08.2025).
11. Путь здоровья. URL: https://www.sportmaster.ru/media/articles/chto-takoe-terenkur-i-kak-us-troeny-tropy-zdorovya-v-rossii/?utm_referrer=https://yandex.ru/ (дата обращения: 10.08.2025).
12. Бруенок А.В. ТЕРРЕНКУР // Большая российская энциклопедия. Т. 32: Телевизионная башня — Улан-Батор. М.: Большая Российская энциклопедия, 2016. С. 88.

13. Молчкова Л.В. Идиоматизация как способ компрессии информации // Вестник Волгоградского гос. ун-та. Серия 2: Языкознание. 2012. № 2 (16). С. 124–128.
14. Бойко Л.Б. Идиоматичность перевода как оценочная категория // Вестник Балтийского федерального ун-та им. И. Канта. Серия: Филология, педагогика, психология. 2023. № 2. С. 5–16.
15. Солодуб Ю.П., Альбрехт Ф.Б., Кузнецов А.Ю. Теория и практика художественного перевода. М.: Academia, 2005. 297 с.
16. Везнер И.А. Перевод образной лексики: когнитивно-дискурсивный подход. 4-е изд., стер. М.: Флинта, 2020. 86 с.
17. Андреева Д.Ю., Середа Е. Способы передачи авторской метафоры при переводе с русского языка на английский // Ученые записки Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики. 2020. № 4. С. 41–48.
18. Швыдкая Л.И. Когниция и идиоматизация // Проблемы истории, филологии, культуры. 2014. № 1 (43). С. 305–311.
19. Кроль Л. Метафоры для познания и изменения себя и других. Инструменты для бизнеса и жизни. М.: Манн, Иванов Фербер, 2025. 256 с.
20. Щербаков М.В. Одиссеи без Итаки: повесть, рассказы, очерки, стихи, переводы / сост. А. Колесова. Владивосток: Рубеж, 2011. 476 с.
21. Коган Е.С. Имя собственное в диалектном фразеологизме: этапы идиоматизации // Вопросы ономастики. 2014. № 1 (16). С. 122–127.
22. Приходько В.К. Эмотивный фонд русских говоров Приамурья: автореферат дис. ... д-ра филол. наук. М., 2022. 36 с.
23. Суворкин Т.Е. Проклятие дома Грезецких. М.: Эксмо, 2025. 384 с.
24. Подплинтусье. URL: <https://t.me/c/2105240616/111417/111439> (дата обращения: 10.08.2025).
25. Коптев М.В., Стексова Т.И. Монопредикативные фраземы // Исключение как правило: переходные единицы в грамматике и словаре. URL: <https://litresp.ru/chitat/ru/K/koptev-mihail-vyacheslavovich/isklyuchenie-kak-pravilo-perehodnie-edinici-v-grammatike-i-slovarе/6> (дата обращения: 15.08.2025).

REFERENCES

1. *Aktualnye problemy sovremennoj Rusistiki: uchebnik i praktikum* [Current Problems of Modern Russian Studies: Textbook and Workshop], red. by S.M. Kolesnikova. Moscow, Yurajt, 2024, 635 p. (in Russ.)
2. Vejnrjeh U. Opyt semanticheskoy teorii [An Experience of Semantic Theory]. In: *Novoe v zarubezhnoj lingvistike, vyp. 10: Lingvisticheskaja semantika* [New in Foreign Linguistics], issue 10: Linguistic Semantics. Moscow, Progress, 1981, pp. 50–176. (in Russ.)
3. Larin B.A. *Istorija russkogo jazyka i obshchee jazykoznanie: izbrannye raboty* [History of the Russian Language and General Linguistics: selected works]. Moscow, Prosveshchenie, 1977, pp. 125–149. (in Russ.)
4. Vorobjev V.V. *Lingvokulturologija* [Linguistics and Cultural Studies]. Moscow, Publishing house Ros. Peoples' Friendship University, 1997, 331 p. (in Russ.)
5. Baranov A.N., Dobrovolsky D.O. Idiomaticnost i idiomy. Kategorija idiomaticnosti i ee sostavljajushchie [Idiomaticity and Idioms. The Category of Idiomaticity and Its Components], *Voprosy jazykoznanija* = Topics in the Study of Language, 1996, No. 5, pp. 51–64. (in Russ.)

6. Panova A.A. Tipy idiomatichnosti leksicheskikh edinic [Types of Idiomaticity of Lexical Units], *Vestnik Cheljabinskogo gosudarstvennogo universiteta* = Bulletin of Chelyabinsk State University, 1993, No. 1, pp. 48–53. (in Russ.)
7. Shipitsyna G.M. O prichinah idiomatichnosti semantiki proizvodnogo slova [On the Causes of Idiomaticity of the Semantics of a Derivative Word], *Nauchnye vedomosti* = Scientific News, 2009, No. 6 (61), pp. 18–22. (in Russ.)
8. *Slovar sovremennoj leksiki, zhargona i slenga* [Dictionary of Modern Vocabulary, Jargon and Slang]. Available at: <https://argo.academic.ru/> (accessed: 02.08.2025). (in Russ.)
9. Tolkovyj slovar russkogo jazyka, v 4 t. [Explanatory Dictionary of the Russian Language], in 4 vols., vol. 3: P–Ryashka. Moscow, Gos. izd-vo inostrannyh i nacionalnyh slovarej, 1939, stb. 278. (in Russ.)
10. Kusova N.N., Mosina N.M. Reprezentacija fizicheskikh harakteristik cheloveka na materiale frazeologizmov anglijskogo jazyka [Representation of Human Physical Characteristics Based on English Phraseological Units], *Elektronnyj nauchnyj zhurnal “Dnevnik nauki”* = Electronic Scientific Journal “Science Diary”, 2023, No. 12. Available at: https://dnevniknauki.ru/images/publications/2023/12/philology/Kusova_Mosina.pdf (accessed: 10.08.2025). (in Russ.)
11. *Put zdorovja* [The Path of Health]. Available at: https://www.sportmaster.ru/media/articles/chto-takoe-terenkur-i-kak-ustroeny-tropy-zdorovya-v-rossii/?utm_referrer=https://yandex.ru/ (accessed: 10.08.2025). (in Russ.)
12. Bruenok A.V. TERRENKUR [TERRENKUR]. *Bolshaja Rossijskaja enciklopedija* [The Great Russian Encyclopedia], vol. 32: Television Tower — Ulaanbaatar. Moscow, Bolshaja Rossijskaja enciklopedija, 2016, p. 88. (in Russ.)
13. Molchkova L.V. Idiomatizacija kak sposob kompressii informacii [Idiomatization as a Method of Information Compression], *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta, serija 2: Jazykoznanie* = Bulletin of Volgograd State University, Series 2: Linguistics, 2012, No. 2 (16), pp. 124–128. (in Russ.)
14. Bojko L.B. Idiomatichnost perevoda kak ocenocnaja kategorija [Idiomaticity of Translation as an Evaluative Category], *Vestnik Baltijskogo federalnogo universiteta im. I. Kanta, serija: Filologija, pedagogika, psihologija* = Bulletin of the Immanuel Kant Baltic Federal University, Series: Philology, Pedagogy, Psychology, 2023, No. 2, pp. 5–16. (in Russ.)
15. Solodub Y.P., Albrecht F.B., Kuznetsov A.Yu. *Teorija i praktika hudozhestvennogo perevoda* [Theory and Practice of Literary Translation]. Moscow, Akademija, 2005, 296 p. (in Russ.)
16. Vezner I.A. *Perevod obraznoj leksiki: Kognitivno-diskursivnyj podhod* [Translation of Figurative Lexicon], 4th ed., reprinted. Moscow, Flinta, 2020, 86 p. (in Russ.)
17. Andreeva D.Yu., Sereda E. Sposoby peredachi avtorskoj metafory pri perevode s russkogo jazyka na anglijskij [Methods of Conveying the Author’s Metaphor When Translating from Russian into English], *Uchenye zapiski Sankt-Peterburgskogo universiteta tehnologij upravlenija i ekonomiki* = Scientific Notes of the Saint Petersburg University of Management Technologies and Economics, 2020, No. 4, pp. 41–48. (in Russ.)
18. Shvydkaya L.I. Kognicija i idiomatizacija [Cognition and Idiomatization], *Problemy istorii, filologii, kultury* = Problems of History, Philology, Culture, 2014, No. 1 (43), pp. 305–311. (in Russ.)
19. Krol L. Metafory dlja poznaniya i izmenenija sebja i drugih [Metaphors for Understanding and Changing Yourself and Others]. In: *Instrumenty dlja biznesa i zhizni* [Tools for Business and Life]. Moscow, Mann, Ivanov i Ferber, 2025, 256 p. (in Russ.)

20. Shcherbakov M.V. *Odissei bez Itaki: Povest, rasskazy, ocherki, stihi, perevody* [Odyssey without Ithaca: Novel, Short Stories, Essays, Poems, Translations], sost. A. Kolesova. Vladivostok, Rubezh, 2011, 476 p. (in Russ.)
21. Kogan E.S. Imja sobstvennoe v dialektnom frazeologizme: etapy idiomatizacii [Proper Name in Dialectal Phraseologism: Stages of Idiomatization], *Voprosy onomastiki* = Questions of Onomastics, 2014, No. 1 (16), pp. 122–127. (in Russ.)
22. Prihodko V.K. *Emotivnyj fond russkih govorov Priamurja* [Emotive Fund of Russian Dialects of the Amur Region]: Extended Abstract of ScD Dissertation (Philology). Moscow, 2022, 36 p. (in Russ.)
23. Suvorkin T.E. *Prokljatie doma Grezeckih* [The Curse of the Grezetsky House]. Moscow, Eksmo, 2025, 384 p. (in Russ.)
24. *Podplintusje* [Podplintusje]. Available at: <https://t.me/c/2105240616/111417/111439> (accessed: 10.08.2025). (in Russ.)
25. Kopotev M.V., Steksova T.I. Monopredikativnye frazemy [Monopredicative Phrasemes]. In: *Isklyuchenie kak pravilo: Perehodnye edinicy v grammatike i slovare* [Exception as a Rule: Transitional Units in Grammar and Vocabulary]. Available at: <https://litresp.ru/chitat/ru/K/kopotev-mihail-vyacheslavovich/isklyuchenie-kak-pravilo-perehodnie-edinici-v-grammatike-i-slovare/6> (accessed: 15.08.2025). (in Russ.)

Грязнова Анна Тихоновна, доктор филологических наук, доцент, профессор, кафедра русского языка, Московский педагогический государственный университет, grant09@yandex.ru

Anna T. Gryaznova, ScD in Philology, Associate Professor, Professor, Russian Language Department, Moscow Pedagogical State University, grant09@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 17.08.2025. Принята к публикации 17.10.2025

The paper was submitted 17.08.2025. Accepted for publication 17.10.2025